

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ВСТРЕЧИ В МАСТЕРСКОЙ

В моей мастерской недавно закончен портрет. Работал над ним долго, долго шел к нему, не решаясь приступить. Понимал, как трудна и ответственна задача. Ведь это портрет любимого мной писателя и человека — Василия Быкова. А сейчас, когда портрет завершен, все всматриваюсь, волнуясь, сумел ли рассказать и современникам нашим, и тем, кто придет после нас, потому что убежден, книгам Василия Быкова уготована долгая, долгая жизнь, ибо этому писателю доступно открытие тайны души человеческой, тайны сокровенной — истоков трагической боли, несомненной стойкости и непоказной красоты. Идейная и психологическая глубина созданных им образов, их историческая обоснованность определяют значение произведений Василия Быкова, значение непреходящее.

Так я думаю и в этом убежден, хотя никогда не решился бы, очевидно, сказать об этом ему самому, пусть и дружен с Василем Владимировичем не один десяток лет. Человек очень скромный, сдержанный, даже суровый, своим поведением, манерой общения он как бы пресекает всякую попытку излишнего восторгов. Хотел бы, чтобы не сказанное мной сказал портрет.

Знакомство мое с Василем Быковым, вернее, с его книгой, произошло более 20 лет назад. Заказами меня не баловали, а наш республиканский журнал «Маладосць» иногда поручал мне иллюстрирование публиковавшихся в нем произведений. И вот однажды передают мне рукопись неизвестного для меня автора с условием подготовить иллюстрации в минимально короткий срок. Раскрыл: страница, вторая, третья... И полностью погрузился в напряженную атмосферу быковской прозы, ощутив ее незаемную, пронзительную правду. Сразу понял: этому человеку досталось быть причастным прямо и кровно ко всему, что составило судьбу народную в ответственное историческое время. За длинные годы Отечественной войны пришлось испытать трудности и невзгоды, гнев и ярость, горе потерь и боль от ран в такой полной мере, что об этом он не мог не сказать. Чувство понятное и близкое мне, тоже полной мерой испытывавшего судьбу тру-

женника войны. Это была «Третья ракета», право иллюстрировать которую мне подарил счастливый случай.

Уже тогда поразили творческая зрелость, отточенное мастерство в произведении, по существу, начинающего писателя. Думается, что у Василия Быкова не было периода ученичества в обычном его понимании. Жизнь, трагическая школа войны, перевернувшая наши судьбы, стремительно сформировала его незаурядный талант. Сегодня, перечитывая книги Василия Быкова, думаю о том, что повести его не укладываются в классически обозначенные границы жанра. Они эпичны. Про них нельзя сказать — читал, скорее — познал. На небольшом плацдарме своих повестей писатель открывает такие глубины, которые не доступны подчас авторам многих, широко «панорамных» романов, которые в изобилии появились в те годы.

Именно эти качества быковской прозы, проявившиеся уже в той, первой повести, сделали меня горячим поклонником писателя.

Разумеется, после работы над иллюстрированием «Третьей ракеты» стал пристально интересоваться этим, столь поразившим меня писателем. Оказалось, что мы земляки. Оба родились и выросли на витебской земле и, более того, почти коллеги. Ведь до войны Василь занимался на скульптурном отделении Витебского художественного училища. Тогда мне стало понятно, откуда это внимание к малейшим нюансам, деталям, так тщательно отобранному, умение вылепить портрет с помощью не глины, а слова — всегда точного, поставленного во фразе так, что создаются емкое, осязаемое видение, запоминающийся, яркий образ. Очень точно подметил один из исследователей творчества Василия Быкова, что проза его только на первый, поверхностный взгляд кажется незамысловатой и предельно простой. На самом деле она имеет точно рассчитанную и хорошо выверенную внутреннюю организацию.

Позже в Гродно, где тогда жил писатель, состоялось наше личное знакомство, а за ним — годы общения, не частых, но таких важных для меня встреч в мастерской.

Повторю, Василь Владимирович — человек сдержанный, немногословный, но его суждения, всегда лаконичные, очень точны, нелицеприятны, из них многое можно почерпнуть, даже если он не соглашается с твоей точкой зрения. Помнится, еще не приступив к работе, поделился с ним замыслом своей серии «Цифры на сердце». По первоначально он его не принял. Но потом, когда серия была завершена, выступил в печати с лестным и очень ценным для меня отзывом. Значит, я смог убедить его в правомерности своей позиции. Очевидно, произошло это потому, что каждый из нас в своем виде искусства стремился выразить главное в понимании, видении советского человека, который в самых трагических обстоятельствах сохранял достоинство. Ненависть к насилию, унижению человеческого достоинства, неприятие фальши — черты, наиболее близкие мне в Быкове-писателе, Быкове-человеке.

Вспомните его произведение, и вы убедитесь: о чем бы ни рассказывал нам писатель, какие бы проблемы ни поднимал, он всегда остается гуманистом, в душе которого не угасает восхищение величием и благородством, самоотверженностью тружеников войны, гуманистом, владеющим мудрым пониманием их души. Писатель считает очень важным показать, какие сокровища доброты, безотказного трудолюбия и терпения проявили люди без корысти и тщеславия среди ожесточения и крови. Новой повестью «Знак беды» он поднимает новый пласт неисчерпаемой темы народного подвига.

Обращаясь в своем творчестве в основном к периоду войны, Василь Быков обладает острым чувством современности. Описывая людей войны, он ни на минуту не оставляет мысль о событиях жизни сегодняшней. Он в постоянном утверждении: все богатства духа — человеколюбие и верность долгу, ко-

торые так мощно проявились в военные годы, преградят путь новой катастрофе, встанут против безумных, бредовых, авантюрных замыслов антилюдей. Вот главный пафос всех книг писателя. Этим они притягивают к себе миллионы и миллионы сердец. Стоит ли удивляться тому, что творчество писателя, обладающее такой эмоциональной силой, словно мощный радар, излучает свое влияние на иные виды искусств. Думается, не без влияния таких писателей, как Ю. Бондарев, А. Адамович, Г. Бакланов, В. Быков, наше изобразительное искусство на определенном этапе круто повернуло к показу суровой и возвышенной правды войны, человека на войне. Мы стали глубже, точнее, зримее осмысливать опыт войны, тот опыт, который привел к Победе. Но если этот процесс сегодня в литературе продолжается и развивается, то в изобразительном искусстве, на мой взгляд, он, к сожалению, затормозился. На выставках последних лет появилось немало работ описательных, поверхностных.

Размышляя о творчестве Василия Быкова, я часто задумываюсь о том, почему же все-таки и в кино, и в театре, да и в искусстве иллюстрации обращение к его книгам приносит подлинных побед гораздо меньше, чем они того достойны? Вероятно, потому, что нелегко встать вровень с таким мастером, и потому еще, что творчество большого писателя не приемлет буквального переложения на язык иного вида искусства. Здесь необходимы и большой талант, и творческая самостоятельность, как это случилось с фильмом «Восхождение» Л. Шепитко. Мне эта работа представляется наиболее точным выражением духа, настроения быковской повести. Хотелось бы, чтобы таких удач было больше.

Как хочется, чтобы этому доброму, искреннему, скромному и непритязательному человеку, большому писателю судьба отмерила еще много духовных сил, лет плодотворных, обильных произведений такими же мудрыми, полными такого же страстного человеколюбия и ненависти к насилию.

М. САВИЦКИЙ,
народный художник СССР,
МИНСК.

● М. САВИЦКИЙ. Портрет писателя Василия Быкова.